

Выжженные земли окружали гору Бейшан на многие ли. После войны люди десятой дорогой обходили это проклятое место, считая, что сам воздух здесь густо пропитан тёмной энергией и стоит лишь вдохнуть его — сразу лишишься рассудка. Венъян оправил распахнувшийся от налетевшего ветерка воротник и вздохнул. Ему потребовались долгие годы, чтобы решиться осознанно переступить барьер после того страшного дня. Воспоминания, запятнанные ужасом и обжигающими щёки горячими слезами похожи на испачканный пролитой тушью пергамент, что никогда более не станет чистым. Остановившись, он поднял голову к небу, щурясь от яркого солнца — как и в тот день стояла поздняя весна. Венъян обернулся — гладкие стволы бамбуковых деревьев нерушимыми исполинами тянулись к самым облакам, шелестя глянцевыми листочками. День обещал быть погожим и Венъян не спроста выбрал именно его — выходить за барьер по-прежнему было страшно, бесконечная неизвестность за его пределами всё ещё скреблась в душе чувством щемящего одиночества, но сегодня, обратив взор к далёкому горизонту, он улыбался — идти навстречу новому всегда проще, если есть, куда возвращаться.

Ху Шень не мог рассказать ему многого о мире за пределами магического барьера — все его знания остались в далёком прошлом, когда страна, огромная и разрозненная, пребывала в хаосе, пока этот хаос не поглотил его самого.

— Север всегда был суровым краем, — говорил он Венъяну, провожая к барьеру, — земли жестоких людей, что каждый день вынуждены сражаться за жизнь. Уверен, что не хочешь взять настоящий меч?

Венъян покачал головой, пробежав пальцами по деревянной рукояти висящего на поясе деревянного меча. Того самого, что Ху Шень выстрогал ему после того случая.

— Я не собираюсь сражаться. В конце концов, если люди так жестоки, как вы говорите, буду ли я лучше, сам взяв в руки острый клинок? Что думаете, мастер?

— Думаю, мир должен принадлежать таким как ты, — усмехнулся Ху Шень, мягко коснувшись его плеча. — Иди. Твой путь будет долгим, пора сделать первый шаг.

Венъян, не знавший ласки настоящих родителей, любил Ху Шеня как отца. В детстве он часто цеплялся за его потрёпанные серые одежды, когда было страшно или одиноко. Но Ху Шень не был ему отцом — годы шли и расстояние между ними грозило превратиться в пропасть. Огромный, неизведанный мир ждал Венъяна впереди, но всё, чего ему хотелось в тот момент — как в детстве сжать в руках серую грубую ткань и держаться за неё до онемевших пальцев. Держаться за единственного человека, что так долго и был всем его миром. Но всё, что он мог — спрятать сжатые кулаки в широких рукавах собственных одежд и почтительно поклониться на прощание.

Так уж сложилось, что север, пострадавший от войны сильнее других регионов, так и не смог до конца от неё оправиться даже спустя сотни лет. Тёмные сущности, что со всей страны

бесперывно тянулись к горе нескончаемым потоком не всегда пересекали барьер — энергия разрушения пропитала эти земли, укоренилась в почве, принося людям боль и страдание и нечисть всех мастей чувствовала себя здесь вольготно.

Император, взойдя на престол, долгие годы посылал самых разных заклинателей очистить северные земли от скверны, но все они возвращались с печальными вестями. Назначенные правители добровольно отказывались от титулов и должностей, если вообще оставались в здравом уме. Единственный человек, способный обуздать тьму, витавшую в воздухе, оказался заперт у самого подножия горы. Император объединил страну, но север, тонущий и загнивающий в страдании и боли, оказался ему неподвластен. Однако, став средоточием хаоса, север помог Императору укрепить власть над остальными регионами и в итоге, действующий правитель, надежда и спасение страны, просто махнул на него рукой — люди, измотанные борьбой за собственные жизни, едва ли смогут поднять восстание.

Деревня, в которой Веньян оказался спустя пару часов пути была совсем небольшой и довольно бедной. В непосредственной близости к горе, людям в ней жилось тяжело. Покосившиеся деревянные домишки выглядели довольно убого, а редкие торговые лавчонки совсем не могли похвастаться изобилием товаров. Веньян и подумать не мог, что его первая встреча с большим миром окажется пропитана затхлым привкусом отчаяния и ужасом, тисками сковавшим сердце.

Местные жители, худые и запуганные, смотрели на него настороженно — редкие путники добирались до такой глуши, а уж заклинателя и вовсе раз в сто лет можно было увидеть. Веньян против воли скользнул пальцами к рукояти меча. Возможно, прав был Ху Шень и стоило взять настоящий. Он одёрнул себя от подобных мыслей — взгляды людей не были враждебны, лишь измотанны постоянным страхом за собственные жизни.

Внимание Веньяна привлёк пожилой мужчина, торгующий тканями. Выбор у него был невелик — в основном довольно грубые материалы практичных тёмных оттенков. Но для Веньяна как раз подходило — одежды Ху Шеня совсем износились и было бы неплохо принести ему новые. Он уже направлялся к лавке, как вдруг худощавый мужчина преградил ему путь, падая в ноги.

— Достопочтенный господин! — Залепетал он, кланяясь в землю и пачкаясь в пыли. В глазах его, остекленевших и глубоко несчастных стояли непролитые слёзы. — Умоляю, достопочтенный господин, помогите мне!

Веньян опешил. От неожиданности, он сделал пару шагов назад, но мужчина, испугавшись, что от него просто собираются уйти, завозил коленями по земле, не вставая, но пытаясь подползти ближе. Осознав ошибку, Веньян присел, не зная, стоит ли попробовать поднять незнакомца за плечи — мужчина явно был в отчаянии, а Веньяну раньше никогда не приходилось с таким сталкиваться.

— Я не... — запнулся он, — ...не нужно...пожалуйста, встаньте.

Люди вокруг смотрели на них с интересом. Те, кто помоложе, едва ли вообще за свою жизнь

когда-нибудь выдели заклинателя. Старики же давно в них разочаровались. Непривыкший к такому вниманию, Веньян поёжился, наконец, сумев помочь мужчине подняться.

— Мы можем где-нибудь поговорить?

Мужчина утёр пыльными руками глаза, оставив грязные разводы на острых скулах.

— У меня дома.

Дом незнакомца оказался простым и крайне бедным. Несмотря на это, мужчина, представившийся Хо Чжином, налил Веньяну чай, едва отличавшийся по вкусу от простой воды, и поставил перед гостем несколько закусок, в основном из пресного риса и овощей. Веньян никак не мог понять: они с Ху Шенем жили у самого подножия проклятой горы, но никогда не испытывали трудностей с едой, отчего же в этой деревне дела обстояли так плохо? Может, потому что их было всего двое и это не было так заметно?

Хо Чжин, заметно растерявшись, совершенно не знал с чего начать и чувствовал себя полным дураком. Едва завидев заклинателя, он бросился ему в ноги, уповая на помощь, а когда его согласились выслушать, словно воды в рот набрал.

— Расскажите, как я могу вам помочь?

Голос Веньяна звучал мягко и так участливо, что Хо Чжин едва смог сдержать вновь навернувшиеся слёзы.

— Вообще-то помощь нужна не мне, — наконец заговорил он, обхватив ладонями горячую глиняную пиалу и уставившись в неё, — моя Минь-Минь...она так страдает.

Минь-Минь оказалась дочерью местного старосты, которую отец задумал насильно выдать замуж за сына старосты соседней деревни. То поселение было богаче и земли были гораздо плодороднее — заключить с ним союз стало бы неплохим выходом из тяжёлой ситуации, но девушка, уже отдавшая своё сердце другому, воспротивилась. Хо Чжин — простой гончар — не мог дать ничего этому союзу, но любовь их была так сильна, что они решили бежать. Отец Минь-Минь, узнав об этом, собрал нескольких мужчин, решив во что бы то ни стало, остановить дочь от ошибки. Хо Чжина избили и бросили умирать прямо на улице, а Минь-Минь в тот же день обрядили в свадебные одежды и отправили в ветхом паланкине в соседнюю деревню. Вот только паланкин вернулся спустя пару часов, ведь невеста, горя и думая, что её возлюбленный уже мёртв не захотела более оставаться в этом мире. Используя шпильку из собственной свадебной причёски, она перерезала себе горло. Отец, сойдя с ума от горя, отказывался верить, что его единственная дочь смогла сотворить такое.

— Он отнёс её в дом, — хрипло говорил Хо Чжин, не отрывая взгляда от остывшего чая, — но похорон не было. Год назад он сильно напился и упал замертво прямо на улице. Мы пытались зайти в дом, но там что-то тёмное, зловещее, что-то, с чем нам, простым людям, не совладать.

Моя Минь-Минь... Я не смог защитить её при жизни. Молю, господин, помогите мне избавить её от страданий хотя бы после смерти.

Вечерело. Веньян заглянул в глаза напротив. Глаза, полные боли и отчаяния густого как засохшие чернила. Чай по вкусу был почти неотличим от воды, но язык жгло нестерпимой горечью.

После смерти старосты дом его совсем покосился, крыша просела и только высокое деревянное ограждение стояло прочно — местные жители исправно его чинили, опасаясь, чтобы нечто, скрытое за ним, не смогло найти дорогу наружу.

— Иногда мы слышим вой и женский плач, — говорил Хо Чжин, проводя ладонью по чёрным от сырости и холода воротам, — это голос моей Минь-Минь.

Веньян не умел утешать, он даже не разговаривал до этого с кем-то, кроме Ху Шеня. Легко сжав дрожащее острое плечо Хо Чжина, он попытался заставить свои губы изогнуться в мягкой улыбке.

— Я помогу ей. Жди здесь и ни в коем случае не заходи.

Веньян без страха ступил за порог.

В доме было темно, пахло затхлостью и сладковатой гнилью. Тонкие ажурные паутины поблёскивали в холодном лунном свете и пылинки, кружась в воздухе, напоминали мелкое звёздное крошево. Заплесневелые половицы скрипели при каждом шаге, грозясь в любой момент треснуть, хватая ногу внезапного гостя в цепкий капкан. Воздух, пропитанный горечью чужой обиды и злости, плотно забивался нос, дышать становилось труднее с каждой минутой — не удивительно, что простые люди, не сведущие в заклинательстве, не могли сюда зайти. Веньян закрыл глаза и замер. Тёмная энергия невидимо вилась вокруг него склизкой змеей, тугими путами сжимая горло. Она тащила за собой, как охотник тащит пойманного зверя. Она вела его вглубь, в самую темноту, в подвал. Веньян послушно шёл, мягко переступая с пятки на носок, он доверял своему проводнику. Своему старому другу.

В тишине послышался лязг цепей. За ним последовал женский плач.

Дойдя до подвала, Веньян остановился на пороге. Нашупав в рукаве один из бумажных талисманов, он бросил его к дальней стене и тёплый рыжий свет разлился по помещению бледным огнём. Свет очертил изящный силуэт в алых свадебных одеждах. Почуввав энергию жизни, Минь-Минь вскинулась и снова зазвенела цепь, тянущаяся от правой лодыжки к стене. Она оскалилась и взвыла, наклонив голову — на левой стороне шеи зияла длинная рваная рана, изъеденная червями и гнилью. Алая вуаль, разорванная и погрызенная молью и трупными паразитами, спала на некогда красивое лицо, скрывая запавшие, почерневшие глаза. Веньян

попытался взглянуть в них. Попытался поговорить единственным доступным мертвецам языком — через воспоминания, через боль и горечь утраты. Но существо перед ним не было тем, с кем Веньяну уже приходилось сталкиваться. Минь-Минь давно утратила себя и душа её раскололась на сотни осколков, оставив лишь пустоту и ненависть. Она рванула к нему с такой силой, что в тишине оглушительно громко раздался треск ломаемой цепью лодыжки.

Веньян едва успел выставить меч, прикрываясь от нападения. Дерево затрещало, но было достаточно прочным, чтобы выдержать нечеловеческой силы натиск. Минь-Минь, проведя в заточении долгие годы и почуяв такую сладкую, такую манящую и сильную живую энергию, билась за неё так яростно, так неистово, как бьётся загнанный в угол зверь. Костяные хучжи довольно грубой работы разодрали полы белых одеяний и она в отчаянной злости зарычала, так гулко, что содрогались стены. В бледно-рыжем свете талисмана её полусгнившие свадебные одежды казались грязно-бордовыми. В растрёпанных чёрных волосах звенели ржавые медные украшения.

Ещё ни разу Веньян не сталкивался с таким неистовым мертвецом. Будь у него настоящий меч, он бы давно отсек ей голову — Ху Шень на славу его обучил. Но перед глазами вдруг возник чужой взгляд, полный горьких, отчаянных слёз — Хо Чжин любил эту девушку и вряд ли её отсечённая голова помогла бы ему самому обрести покой.

Подвал был довольно тесным и совсем скоро Веньян, ожидаемо, оказался в ловушке. Минь-Минь загнала его в угол, скалясь и воя разъярённым хищником. Отступать было некуда — какой бы дикой и тёмной ни была сущность перед ним, он не мог причинить ей вред. Он обещал помочь, а не уничтожить.

Деревянный меч с глухим стуком упал на пол и Минь-Минь рванула вперёд с диким воем.

Секунда.

И она замерла. Острый ивовый гвоздь плотно вошёл в её голову прямо через тонкую алую вуаль.

Веньян со свистом втянул затхлый, гнилостно-сладкий воздух. Рот наполнился жидким металлом и алый цветок стремительно раскрывал свои лепестки на белых одеждах — костяные хучжи успели вонзиться в грудь и яд уже стремился прямо к его сердцу.

<http://bllate.org/book/14934/1323646>